

Мошенничество: теория и практика квалификации

Аннотация. Статья продолжает многолетнее авторское исследование, посвященное актуальным вопросам применения норм УК РФ о хищении чужого имущества. На основании проведенного анализа конкретного уголовного дела, по которому автором было подготовлено научно-консультативное заключение, показаны недостатки квалификации мошенничества, характерные для правоприменительной практики. Обращено внимание на сложившиеся у органов обвинения и судов стереотипы при установлении размера ущерба от хищения, а также ошибки при применении правил конкуренции уголовно-правовых норм, содержащих разные составы мошенничества. Констатируется факт искусственного объединения двух разных по характеру и степени опасности деяний в ч. 5 ст. 159 УК РФ — хищения чужого имущества и преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Высказано сожаление об упущенной законодателем возможности переноса в гл. 22 УК РФ нормы о преступлении в сфере экономической деятельности — преднамеренном неисполнении договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, причинившем ущерб (значительный, крупный или особо крупный) охраняемым законом интересам. Сформулирован вывод о недопустимости подмены гражданско-правовых споров уголовно-правовым преследованием.

Ключевые слова: хищение чужого имущества; мошенничество; обман; злоупотребление доверием; УК РФ; ГК РФ; предпринимательство; мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; конкуренция уголовно-правовых норм; размер ущерба от хищения; гражданско-правовые споры; преступления в сфере экономической деятельности; преступления против собственности.

Для цитирования: Кочои С. М. Мошенничество: теория и практика квалификации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 59—66. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.059-066.

Fraud: Theory and Practice of Qualification

Samvel M. Kochoi, Dr. Sci. (Law), Professor; Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation; Honored Worker of Justice of Russia
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
sam.kochoi@bk.ru

Abstract. The paper continues a multi-year author's research devoted to topical issues of application of norms of the Criminal Code of the Russian Federation on stealing other people's property. On the basis of the analysis

---

© Кочои С. М., 2020

* Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник юстиции России
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
sam.kochoi@bk.ru

of a specific criminal case, on which the author drafted a scientific advisory opinion, the author describes the deficiencies of the qualification of fraud typical for enforcement practice. Attention is paid to the stereotypes of the prosecution authorities and courts in determining the amount of damage caused by stealing, as well as errors in applying criminal law competing rules containing different definitions of fraud. It is stated that two different in nature and degree of danger acts are factitiously unified in Part 5 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely: a theft of other people's property and deliberate failure to perform contractual commitments in the field of entrepreneurship. The author regrets that the legislator missed the opportunity to transfer to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation the norm on crime in the field of economic activity—deliberate failure to perform contractual obligations in the field of business activity—that has caused damage (significant, large or particularly large) to interests protected by law. The author draws the conclusion on inadmissibility of substituting civil legal disputes by criminal prosecution.

Keywords: theft of other people's property; fraud; deception; abuse of trust; Criminal Code; Civil Code of the Russian Federation; entrepreneurship; fraud in the field of entrepreneurship; competing criminal law rules; amount of damage caused by stealing; civil disputes; crimes in the field of economic activity; crimes against property.

Cite as: Kochoi SM. Moshennichestvo: teoriya i praktika kvalifikatsii [Fraud: Theory and Practice of Qualification]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(9):59—66. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.059-066. (In Russ., abstract in Eng.).

Согласно официальной статистике, в 2019 г. «количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (статьи 159—159.6 УК)», по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. увеличилось на 19,6 % и составило 257 187 преступлений (в 2018 г. по сравнению с 2017 г., наоборот, было отмечено снижение количества мошеннических посягательств¹). В целом в структуре преступности доля мошенничества увеличилась до 12,7 % (в 2018 г. было 10,7 %)².

Сложности в практике (о чем свидетельствуют, в частности, низкие показатели раскрываемости рассматриваемого преступления в 2018 г. — 30 % и в 2019 г. — 20,2 %) вызывает не только применение признаков мошенничества, сформулированных в уголовном законе. Основания для разночтений дают также отдельные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Одним из результатов такой ситуации является наличие в судебно-следственной практике значительного количества дел, в которых подозреваемыми/обвиняемыми выступают, в частности, руководители коммерческих организаций и индивидуальные предприниматели. В качестве примера можно привести дело П., по которому

автор настоящей статьи готовил научно-консультативное заключение.

Постановлением следователя ГУ МВД РФ П. привлечен в качестве обвиняемого в совершении хищения чужого имущества путем обмана, совершенного организованной группой, в особо крупном размере. Согласно постановлению, П., являясь руководителем и собственником коммерческой организации (далее — Застройщика), разработал «преступный план», в соответствии с которым намеревался путем обмана, состоящего «в сознательном сообщении заведомо ложных сведений, не соответствующих действительности, систематически похищать денежные средства, принадлежащие гражданам — участникам долевого строительства, с целью получения преступного дохода и распределения его между участниками организованной группы». По версии следствия, в результате осуществления организованной группой лиц под руководством П. преступной деятельности в период с 13 сентября 2012 г. по 1 июня 2015 г. путем обмана были похищены денежные средства граждан — участников долевого строительства (всего 22 чел.) на сумму 155 313 676 руб. 09 коп.

¹ Официальный сайт МВД РФ. Состояние преступности в России // URL: <http://мвд.рф/folder/101762/item/12167987/> (дата обращения: 05.01.2019).

² Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2019 г. // URL: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 29.05.2019)

Как известно, ответственность за мошенничество в УК РФ установлена несколькими статьями гл. 21. Из них общую норму содержит статья 159, а специальные нормы — статьи 159.1—159.6. Последние применяются при наличии в действиях виновного лица всех признаков мошенничества, предусмотренных общей нормой. По мнению органов следствия, в рассматриваемом деле действия П. следует квалифицировать по общей норме — ст. 159 (ч. 4) УК РФ.

Вместе с тем Уголовный кодекс Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ был дополнен статьей 159.4, которая предусматривала ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Предпринимательской, согласно ГК РФ (п. 1 ст. 2), признается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, «мошенничество в сфере предпринимательской деятельности необходимо рассматривать как такое виновное использование для хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием договора, обязательства по которому заведомо не будут исполнены (причем не вследствие обстоятельств, связанных с риском их неисполнения в ходе предпринимательской деятельности как таковой), что свидетельствует о наличии у субъекта преступления прямого умысла на совершение мошенничества»³.

Таким образом, основанием квалификации по ст. 159.4 УК РФ является не только соверше-

ние мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, но и его сопряженность с преднамеренным неисполнением договорных обязательств (понятие и условия договора, обязательства, возникшие из договора, регламентируются положениями гражданского законодательства). При этом для квалификации содеянного по ст. 159.4 УК РФ не имеет значения, кто является другой стороной договора: коммерческая организация, предприниматель или физическое лицо⁴.

Следует напомнить, что вопрос о конкуренции норм ст. 159 и 159.4 УК РФ ранее уже возникал. Дело в том, что дополнение УК РФ статьями 159.1—159.6 в ряде случаев улучшило положение лиц, совершивших мошенничество в различных сферах деятельности, в том числе в предпринимательской сфере. В связи с этим судами ранее вынесенные приговоры были приведены в соответствие с новыми нормами УК РФ. Так, за 9 месяцев 2013 г. мошенничество было переквалифицировано судами со ст. 159 на ст. 159.4 УК РФ в отношении более 500 лиц. Принимая подобные решения, суды исходили из того, что виновным в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности признается, в частности, лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем, в случае совершения преступления в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

---

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2019).

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД “Об объявлении амнистии”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2019).

Так, постановлением суда от 24.01.2013 удовлетворено ходатайство М. о переквалификации его действий на ч. 3 ст. 159.4 УК РФ. Он был осужден по приговору Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 25.08.2011 по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Принимая данное решение, суд руководствовался тем, что М. признан виновным в мошенничестве, то есть в хищении чужого имущества путем обмана, совершенном лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере. Являясь учредителем и директором ООО «Ю.», он умышленно, из корыстных побуждений похитил часть привлеченных для строительства коттеджного поселка денежных средств, принадлежащих участникам долевого строительства, причинив тем самым ущерб в особо крупном размере. Поскольку М. совершил мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, суд пришел к выводу о переквалификации его действий на ст. 159.4 УК РФ.

В целом, как показала изученная практика, суды применяли ст. 159.4 УК РФ в тех случаях, когда преступные деяния, совершенные в сфере предпринимательской деятельности, были сопряжены с преднамеренным неисполнением договорных обязательств и в приговорах содержались доказательства наличия заключенного договора (договоров)⁵.

Возвращаясь к делу П., следует сказать, что, поскольку деятельность, которой он занимался, относится к предпринимательской, а в качестве конкретного «способа» хищения чужого имущества в приговоре было названо преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, то, как мы полагаем, имелись все основания для квалификации действий, совершенных им, по ст. 159.4 УК РФ.

Очевидно, что для подобной квалификации действия П. должны были быть совершены до

утраты статьей 159.4 УК РФ своей силы, то есть с 29 ноября 2012 г. до 12 июня 2015 г., поскольку именно с 12 июня 2015 г. Постановлением Конституционного Суда РФ статья 159.4 УК РФ утратила свою силу (хотя соответствующий Федеральный закон об этом был принят позднее — 3 июля 2016 г.).

Между тем, согласно анализируемому постановлению о привлечении П. в качестве обвиняемого, часть эпизодов единого хищения чужого имущества совершена именно до введения 29 ноября 2012 г. в УК РФ статьи 159.4, а именно 13 сентября, 3, 4, 10, 23 октября 2012 г. Другая часть хищения чужого имущества совершена в период действия ст. 159.4 УК РФ: 28 января, 13 февраля, 20 марта, 7 апреля, 2 июля, 11 июля, 13 сентября, 11 декабря 2013 г.; 31 января, 5 февраля, 16, 25 марта, 22 апреля, 20 ноября, 3 декабря 2014 г.; 1 июня 2015 г.

Говоря о квалификации указанных действий П. по ст. 159.4 УК РФ, следует исходить в том числе из опубликованного ответа Президиума Верховного Суда РФ на вопрос о том, по какому уголовному закону следует квалифицировать деяние, подпадающее под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, совершенного до 12 июня 2015 г.: «В связи с тем что статья 159.4 УК РФ с 12 июня 2015 года утратила силу, уголовная ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности с указанной даты предусматривается статьей 159 УК РФ. Что касается деяний, подпадающих под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 159.4 УК РФ, совершенных до 12 июня 2015 года, то, поскольку эти деяния не декриминализованы и не могут быть квалифицированы по статье 159 УК РФ, устанавливающей за них более строгое наказание, такие деяния, в соответствии со статьей 9 УК РФ, следует квалифицировать по статье 159.4 УК РФ»⁶. Таким образом, хищение чужого имущества, совершенное в период дей-

⁵ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П и статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2019).

⁶ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 ...

ствия ст. 159.4 УК РФ, при доказанности всех его признаков, следует квалифицировать по этой статье: по ч. 3 (включая эпизоды хищения, совершенные до введения в УК РФ ст. 159.4, то есть до 29 ноября 2012 г., поскольку они, согласно ст. 10 УК РФ, улучшают положение обвиняемого и, стало быть, имеют обратную силу).

Однако в деле П. обращает на себя внимание не только спорное применение ст. 159 УК, но и размер ущерба, установленный органами расследования.

Как следует из примечания 1 к ст. 158 УК РФ, обязательным признаком хищения чужого имущества (в том числе мошенничества) является причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества, ставшего предметом хищения. Данный ущерб причиняется в результате противоправного безвозмездного изъятия (и (или) обращения) чужого имущества с корыстной целью в пользу виновного или иных лиц⁷. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию «характер и размер вреда, причиненного преступлением».

По мнению следственного органа, размер хищения, совершенного П., составляет 155 313 676 руб. 09 коп. Указанная сумма включает денежные средства 22 потерпевших — физических лиц, которые были перечислены Застройщику во исполнение обязательств по договору долевого строительства. К такому выводу сторона обвинения пришла в связи с тем, что, по ее мнению, в соответствии с требованиями ст. 18 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», привлеченные от граждан «денежные средства с расчетного счета застройщика могут использоваться только в целях строительства одного или нескольких многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, в состав которых входят объекты долевого строительства».

Однако данный вывод относительно целей использования привлеченных денежных

средств дольщиков и, значит, о размере причиненного им ущерба представляется ошибочным. В действительности же, согласно ст. 18 упомянутого Федерального закона (в редакции Федерального закона от 17.06.2010 № 119-ФЗ, которая действовала до 3 июля 2016 г.), денежные средства, уплачиваемые участниками долевого строительства по договору, подлежат использованию Застройщиком не «только в целях строительства одного или нескольких многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», а «только для строительства (создания) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости в следующих целях:

- 1) строительство (создание) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости в соответствии с проектной документацией или возмещение затрат на их строительство (создание);
- 2) возмещение затрат на приобретение, в том числе оформление, права собственности или права аренды, права субаренды на земельные участки, на которых осуществляется строительство (создание) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости;
- 3) возмещение затрат на подготовку проектной документации и выполнение инженерных изысканий для строительства (создания) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, а также на проведение государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий в случае, если проведение такой экспертизы является обязательным;
- 4) строительство систем инженерно-технического обеспечения, необходимых для подключения (присоединения) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости к сетям инженерно-технического обеспечения, если это предусмотрено соответствующей проектной документацией;
- 5) возмещение затрат в связи с внесением платы за подключение (присоединение) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости к сетям инженерно-технического обеспечения;

---

⁷ Кочои С. М. Преступления против собственности. М. : Проспект, 2014. С. 10—16.

- б) возмещение затрат в связи с заключением в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности договора о развитии застроенной территории и исполнением обязательств по этому договору (за исключением затрат на строительство и (или) реконструкцию объектов социальной инфраструктуры), если строительство (создание) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости осуществляется на земельных участках, предоставленных застройщику на основании этого договора и находящихся в границах такой застроенной территории;
- 7) возмещение затрат на подготовку документации по планировке территории и выполнение работ по обустройству застроенной территории посредством строительства объектов инженерно-технической инфраструктуры, если строительство (создание) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости осуществляется на земельном участке, предоставленном застройщику для комплексного освоения в целях жилищного строительства, или земельных участках, образованных в границах земельного участка, предоставленного застройщику для комплексного освоения в целях жилищного строительства».

Таким образом, денежные средства участников договора долевого строительства могли быть использованы, вопреки сложившимся у следственных органов стереотипам, не только для строительства объектов недвижимости, но также в иных определенных законом целях. Поэтому следует согласиться с тем, что при определении размера хищения, в совершении которого обвиняется П., необходимо было исключить те средства, которые использованы Застройщиком для возмещения предусмотренных законом

соответствующих затрат и строительства систем инженерно-технического обеспечения.

Следует признать, что в правоприменительной практике современной России имеется немало дел, возбужденных по ст. 159 УК РФ, в которых в качестве предмета инкриминируемого предпринимателям преступления фигурируют денежные средства «дольщиков». В этой связи нельзя не согласиться с общей оценкой, данной Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Титовым, о том, что в правоохранительной сфере России сформировалась «явная тенденция подмены гражданско-правовых отношений уголовным преследованием»⁸.

По нашему мнению, подобная ситуация сложилась не только в силу пресловутого «обвинительного уклона» в уголовном судопроизводстве, но и из-за нерасторопности всей судебной системы, которая рассмотрение порой самого простого гражданского дела может растянуть на несколько месяцев, а то и несколько лет. В результате потерпевшие от незаконных действий предпринимателей обращаются в правоохранительные органы, рассчитывая на скорое их наказание или как минимум создание «проблем» в их бизнесе. Безусловно, эту практику следует признать порочной, а отказ от нее — необходимым условием для создания в стране благоприятного бизнес-климата.

В профилактике и пресечении незаконного вмешательства правоохранительных органов в предпринимательскую деятельность важное место должно быть отведено уголовному законодательству, однако последовавшие за признанием ст. 159.4 утратившей силу изменения в УК РФ оказались небесспорными. По сути, признанная Конституционным Судом РФ вполне справедливо дефектной⁹ уголовно-правовая норма усилиями законодателей оказа-

⁸ Борис Титов: в 2018 г. сформировалась явная тенденция подмены гражданско-правовых отношений уголовным преследованием // URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2018/12/boris-titov-v-2018-godu-sformirovalas-javnaja-tendencija-podmeny-grazhdansko-pravovyh-otnoshenij-ugolovnym-presledovaniem/#1> (дата обращения: 05.01.2019).

⁹ См. об этом, например: *Лопашенко Н. А.* Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 504—513.

лась фактически восстановленной — теперь уже в ст. 159 УК РФ (ч. 5—7). В ней по примеру и образцу ст. 159.4 УК РФ объединены, как мы считаем — во многом искусственно, два разных по характеру и степени опасности деяния: хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием и преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. В этой связи не считаем основанными на законе утверждения о том, что в рассматриваемой норме имеет место дифференциация уголовной ответственности за мошенничество, «т. е. хищение, совершенное путем обмана, по способу обмана», а мошенничество, связанное с преднамеренным неисполнением предпринимателем договорных обязательств, «отличается от “простого” мошенничества только внешней формой выражения обмана»¹⁰. Данное укоренившееся у части практиков заблуждение о новом «способе» мошенничества не имеет ничего общего с буквой закона. На самом деле в ст. 159, а до этого в ст. 159.4 УК РФ речь идет только о двух способах мошенничества — обмане и злоупотреблении доверием. Слово «сопряженное», используемое в указанных статьях, говорит о двух деяниях, а не об одном деянии (хищении) и таком «способе» его совершения, как преднамеренное неисполнение предпринимателем договорных обязательств.

В любом случае алогичность решения законодателей о дополнении ст. 159 УК РФ частями 5—7 особенно заметна на фоне признания ими же описанного в данных нормах преступления как деяния, совершенного в предпринимательской, то есть экономической, сфере. Однако коль скоро это деяние совершается в сфере экономической деятельности и оно не обязательно должно быть сопряжено с хищением чужого имущества, то преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, причинившее ущерб (значительный, крупный или особо крупный), по идее, должно находиться в главе УК РФ, содержащей нормы подобного характе-

ра — «Преступления в сфере экономической деятельности». Такая позиция относительно будущего уголовно-правовой нормы, потерявшей силу, нам представлялась предпочтительной. Она преобладала также среди участников заседания рабочей группы, в которую вошли Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, представители государственных органов, бизнес-сообщества, научных организаций (в том числе автор настоящей статьи), посвященного судьбе неконституционной статьи 159.4 УК РФ. Кстати, в случае принятия законодательным органом этой позиции необходимости в норме о «предпринимательском мошенничестве», на наш взгляд, не было бы. К сожалению, Федеральное Собрание РФ не воспользовалось такой возможностью и решило иначе. Принятый им Федеральный закон от 03.07.2016 не только ожидаемо признал ст. 159.4 утратившей силу, но и одновременно восстановил ее, превратив содержащуюся в ней норму (вместе с описанными в ней деяниями — хищением и неисполнением договорных обязательств) в одну из частей статьи 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за хищение (причем авторы закона в пояснительной записке к его проекту так и не раскрыли цель вносимых в ст. 159 УК РФ дополнений).

Вместе с этим решением вернулись и старая проблема, имевшая место в период действия ст. 159.4 УК РФ, — о соотношении мошенничества (предусмотренного ч. 1—4 ст. 159 УК РФ) и его специального состава (предусмотренного ч. 5—7 той же статьи). Как и прежде, в суды продолжают поступать жалобы осужденных о переквалификации их действий, но теперь уже не со ст. 159 на 159.4 УК РФ, а с ч. 3 или 4 ст. 159 на ч. 5 ст. 159 УК РФ. Так, например, согласно приговору, с учетом внесенных в него изменений Кировским областным судом, В. Д. Новикова осуждена за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности в особо крупном размере, совершенное в период с апреля 2014 г. по май 2015 г.,

---

¹⁰ Чернышев Д. Б. Предпринимательское мошенничество: нужна ли бизнесу своя уголовная статья? // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 89—97.

по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Осужденная в кассационной жалобе указала, что суд необоснованно не переквалифицировал ее действия в отношении ООО «К.» на ч. 5 ст. 159 УК РФ, поскольку «она являлась коммерческим директором ООО “К.” по доверенности и имела право второй подписи, то есть фактически осуществляла руководство названной организацией». Судебная коллегия Верховного Суда РФ поддержала решения судов Кировской области на том основании, что доверенность, «на которую указывает осужденная, в материалах дела отсутствует, не представлена она и в качестве приложения к кассационной жалобе»¹¹. Между тем, согласно закону, определяющим для отказа в квалификации

действий лица по ч. 5—7 ст. 159 УК РФ должен быть факт отсутствия договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Таким образом, неудачная конструкция нормы «о предпринимательском мошенничестве» нацеливает субъектов его совершения на поиск более мягких условий назначения наказаний. Очевидно, цель, которую преследовал законодатель, введя данную норму, должна была заключаться в другом — в исключении самой возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, оспаривающих гражданско-правовые сделки. Однако практика ее применения свидетельствует о том, что до постановки такой цели, видимо, пока еще далеко.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кочои С. М.* Преступления против собственности. — М. : Проспект, 2014. — 88 с.
2. *Лопашенко Н. А.* Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 3. — С. 504—513.
3. *Чернышев Д. Б.* Предпринимательское мошенничество: нужна ли бизнесу своя уголовная статья? // Российский юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 89—97.

Материал поступил в редакцию 2 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Kochoi S. M.* Prestupleniya protiv sobstvennosti. — M. : Prospekt, 2014. — 88 s.
2. *Lopashenko N. A.* Zakonodatel'naya reforma moshennichestva: vynuzhdennyye voprosy i vynuzhdennyye otvety // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2015. — T. 9. — № 3. — S. 504—513.
3. *Chernyshev D. B.* Predprinimatel'skoe moshennichestvo: nuzhna li biznesu svoya ugolovnaya stat'ya? // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 2019. — № 2. — S. 89—97.

¹¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.05.2020 № 10-УД20-3 // СПС «КонсультантПлюс».